

S E R I E S M I N O R

А. Д. ШМЕЛЕВ

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
МОДЕЛЬ МИРА

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

А. Д. ШМЕЛЕВ

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
МОДЕЛЬ МИРА

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

ББК 81.031

Ш 72

Шмелев А. Д.

Ш 72

Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISBN 5-94457-052-0

В книге рассматриваются ключевые идеи русской языковой картины мира, т. е. совокупность представлений об устройстве мира, которые говорящими на русском языке воспринимаются как сами собою разумеющиеся. Делается попытка выявить связь этих представлений с некоторыми специфическими особенностями русской культуры. В частности, рассматривается семантика ряда трудно переводимых русских слов (*простор, попрекнуть, вдруг, заодно* и т. п.), обсуждается вопрос о том, каков образ человека в русской языковой картине мира, как в ней представлены время и пространство, какие бытовые представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значении русских слов, в чем заключаются особенности задаваемых русским языком этических представлений.

ББК 81.031

В оформлении обложки использована картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (Венский художественно-исторический музей)

Шмелев Алексей Дмитриевич
РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА

Материалы к словарю

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки

Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Корректор А. Рыко

Оригинал-макет подготовил А. Охотин

Подписано в печать 1.04.2002. Формат 84×108 1/32.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Академическая.

Усл. печ. л. 5,67. Заказ № 6053

Издательство «Языки славянской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6–105; № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

ISBN 5-94457-052-0

9 785944 570529 >

© А. Д. Шмелев, 2002

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 200

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	9
Введение	11
Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?	11
Методологические замечания	12
Объект рассмотрения	14
Сквозные мотивы русской языковой картины мира	16
Строение человека	
в русской языковой картине мира	19
Общие принципы	19
Дух и душа	21
Материальный состав человека	25
Материальное и психическое в русской языковой картине мира	25
<i>Тело и плоть</i>	27
<i>Кровь</i>	28
<i>Кости</i>	33
Интеллектуальная жизнь человека: голова и мозг	34
Прочие материальные составляющие человека	36
Время в русской языковой картине мира	37
Загадки времени	37
Парадоксы темпоральной ориентации	37
<i>Близкое и следующее; молодое и старое</i>	42
Мясопуст и сыропуст	44
Что такое мясопуст и сыропуст?	45
«Разночтения» и парадоксы	50

Утро и вечер	55
Когда начинаются новые сутки?	55
Принципы членения суток на периоды.....	56
Русское <i>утром</i> и его синонимы	61
Этикетные формулы	65
Пространственная составляющая «русской души»	69
Свобода и воля	70
Простор	75
<i>Пространство vs. простор</i>	75
<i>Даль, ширь, приволье, раздолье</i>	77
<i>Простор или уют?</i>	78
Пространство как источник мучений	82
<i>Неприкаянность</i>	82
<i>Маяться и томиться</i>	83
«Широта русской души»	84
<i>Гуляния</i>	84
Что такое «широта души»?.....	86
<i>Тоска</i>	90
<i>Удаль</i>	93
<i>Размах и хлебосольство</i>	95
<i>Родные просторы</i>	97
Общие жизненные установки	99
Смирение	99
Установка на <i>примирение</i> с действительностью	99
«Наплевательство»	100
Переосмысление <i>смирения</i>	103
Совместимо ли <i>смирение</i> с	
«активной жизненной позицией»?	104
Какое «смирение» нам <i>подобаёт</i> ?	107
«Примирение с действительностью» в советскую эпоху....	108
Гордость	109
По пр е к и русская культура поведения	113
<i>Попрекать</i> нехорошо	113
<i>Попреки</i> при выяснении отношений.....	115

Стыд в кругу родственных концептов	117
Когда и кому бывает <i>стыдно</i>	118
Чем различаются <i>стыд</i> и <i>позор</i> ?	125
Мелкие слова как выразители жизненной позиции	133
<i>Авось</i>	134
<i>На всякий случай, в случае чего, если что</i>	136
<i>Небось</i>	142
Бытовые представления носителей русского языка	145
Собираться и заодно	145
<i>Собраться/собираться</i>	145
<i>Заодно</i>	147
Непредсказуемость	149
<i>Неожиданности</i> в русской языковой картине мира.....	149
«Гадательное» <i>вдруг</i>	161
Отношения между людьми	164
<i>Закуска: «задушевность»</i> в застольном общении	165
<i>Любовь и счастье</i>	170
<i>Язык дружбы</i>	180
Философия жизни	189
Жизнь по правде	189
<i>Правда</i> в кругу смежных концептов.....	189
<i>Справедливость</i> в русской наивной этике	195
Долг и обязанность	206
Судьба	209
Литература	213
Лексический указатель	219

ОТ АВТОРА

В основу данной книги легли исследования, проведенные в 1991—2000 гг. (часть из них — совместно с †Т. В. Булыгиной, Анной А. Зализняк или И. Б. Левонтиной). Ее первоначальный вариант был написан в 1997 г. при поддержке Research Support Scheme of Higher Education Support Program (грант № 511/1995); в последующие годы были сделаны существенные дополнения. Окончательный вариант книги был закончен в 2001 г. при поддержке РФФИ (грант № 01-06-80401).

ВВЕДЕНИЕ

МОЖНО ЛИ ПОНЯТЬ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ ЧЕРЕЗ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА РУССКОГО ЯЗЫКА?

Вообще говоря, поставленный вопрос (отсылающий к известной книге А. Вежбицкой *Understanding Cultures through Their Key Words* [Wierzbicka 1997]) может ввести в заблуждение. Может показаться, что речь идет о каком-то заранее заданном множестве «ключевых» слов языка, относительно которых и ставится вопрос: не могут ли они способствовать пониманию культуры? Тогда неизбежно возникнет вопрос, как выявляется это множество и на каком основании мы отнесем то или иное слово к «ключевым».

На самом деле само понятие «ключевого» слова уже содержит в себе положительный ответ на заданный в заглавии вопрос. Можно считать лексическую единицу некоторого языка «ключевой», если она может служить своего рода ключом к пониманию каких-то важных особенностей культуры народа, пользующегося данным языком. Поэтому исходный вопрос можно было бы переформулировать так: могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русской культуры?

Здесь существенна еще одна оговорка. Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности. Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ лексической семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его

существенных характеристик. Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно привыкает к ним, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком.

Иными словами, язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной стороны, в языке находят отражения те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифичные концепты, одновременно «отражают» и «формируют» образ мышления носителей языка.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Представление о языковой концептуализации мира, специфичной для каждого отдельного языка и находящей отражение в особенностях пользующейся этим языком культуры, не является чем-то новым. Оно восходит к идеям Гумбольдта, получившим свое крайнее выражение в рамках знаменитой гипотезы Сепира—Уорфа. Но не случайно именно в настоящее время эти идеи вновь обретают популярность. Современные методы изучения лексической семантики и результаты, полученные при их применении к материалу русского языка, показывают, что значение большого числа лексических единиц (в том числе и тех, которые на первый взгляд кажутся имеющими переводные эквиваленты в других языках) включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигура-

ции смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир. В других случаях лексико-семантический анализ позволяет уточнить выводы этнокультурологов, полученные без привлечения лингвистических данных.

При этом особенно показательны нетривиальные семантические конфигурации, достаточно частотные в бытовом дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов) и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. Так, часто цитируемая строка Тютчева *Умом Россию не понять* свидетельствует не столько о том, что в самооценке русских Россия является страной, которую трудно постичь, пользуясь лишь средствами рационального понимания (эта точка зрения неоднократно оспаривалась другими русскими авторами), сколько о том, что для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно *ум*, а не, скажем, сердце, как для древнееврейской и арамейской картины мира (эта картина мира, в соответствии с которой «органом понимания» является именно *сердце*, представлена и в текстах на русском языке — а именно в переводах Св. Писания, например: *да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем* — Ис. 6, 10; *Еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце?* — Мк. 8, 17). Точно так же мы не можем делать вывод, что для русской языковой картины мира характерно представление, согласно которому чувство любви неподвластно воле человека и рациональным соображениям, на основании таких пословиц, как *Любовь зла, полюбишь и козла*, или ходячего изречения *Сердцу не прикажешь*, — то, что прямо утверждается, всегда может быть оспорено (правда, эти высказывания дают основание для определенных выводов относительно некоторых других представлений, принимаемых в русской языковой картине мира как данность, например 'козел менее всего достоин любви' или 'орган любви — сердце').

Точно так же, пытаясь понять особенности концептуализации счастья в русском языке, мы не можем опираться на рассуждения носителей русского языка, обсуждающих, в чем заключается подлинное счастье. Мнения разных носителей языка на это счет могут расходиться (ср. известную фразу из «Чука и Гека» Гайдара: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему»); возможны и совсем экзотические высказывания, такие как, например: «А счастье, очевидно, приходит к людям таким жалким и голодным зверем, что нужно его тотчас же хорошенько накормить теплым человеческим мясом, чтобы он взыграл и запрыгал» (Тэффи). Да и в целом такие рассуждения в весьма малой степени обнаруживают лингвоспецифичность рассматриваемого концепта; они с минимальными потерями поддаются переводу на иностранные языки — конечно, при условии, что в соответствующем языке можно обнаружить сколько-нибудь близкий аналог русскому концепту *счастье*.

Сказанное не означает, что высказывания, в которых интересующие нас смыслы попадают в ассертивный компонент, вообще лишены какого бы то ни было интереса. Более того, в ряде случаев чрезвычайно показательными оказываются суждения носителей языка, в которых непосредственно обсуждается семантика языковых единиц, тем более что эти высказывания также оказываются лингвоспецифичными постольку, поскольку в них речь идет о семантике лингвоспецифичных языковых единиц (ср., например, многочисленные рассуждения русских авторов о различии концептов *свобода* и *воля*). Однако следует помнить, что такие суждения не могут служить прочным доказательством в тех случаях, когда обнаруживается, что они не соответствуют реальной речевой практике, осуществляемой носителями языка неосознанно.

ОБЪЕКТ РАССМОТРЕНИЯ

При этом следует отдавать себе отчет, что воссоздаваемая таким образом языковая картина мира не является единственной картиной мира, которая может быть реконструиро-

вана на основе данных русского языка, взятого как целое. Скажем, терминологические системы различных наук также являются важной частью русского языка; однако в основе семантики научных терминов лежит не наивно-языковая, а научная картина мира, существующая в данный период времени. Своими особыми картинами мира характеризуются также различные диалекты русского языка, язык фольклора (см. многочисленные работы С. Е. Никитиной, посвященные реконструкции языковой картины мира русского фольклора вообще и русских духовных стихов в частности), городское просторечие, различные жаргоны, обценный дискурс (ср. замечания Ю. И. Левина [1998: 819] о мире, описываемом обценной лексикой, как о мире, «в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором „все расхищено, предано, продано“, в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием»).

Иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия. Так, в результате того, что характерное для средневекового миропонимания христианское восприятие «гордости» как первого из смертных грехов и источника всех пороков постепенно утрачивает свою роль в секулярной системе моральных ценностей, слова со значением 'гордый' имеют в большинстве европейских языков различное значение в повседневном языке и в языке церковной проповеди (при этом различия не сводятся к различиям в оценочном компоненте). Да и в целом различия между этическими представлениями, отраженными в разных языках, несомненно существуют; однако ничуть не менее глубоки различия, которые могут быть проведены между этическими системами, существующими в рамках одного языка и находящими свое отражение в семантике языковых единиц, используемых в подъязыках, обслуживающих соответствующие системы. Границы между разными системами этики находят отражение в языке, но не совпадают с границами между языками.

И поэтому мы можем (разумеется, с некоторой долей условности) говорить о традиционных христианских этических представлениях, современных бытовых представлениях и т. п.; но едва ли есть основания выделять особую «русскую наивно-языковую этику», «англосаксонскую наивно-языковую этику», «французскую наивно-языковую этику» без дальнейших уточнений.

Следует иметь в виду, что объектом рассмотрения в настоящей книге служит семантика языковых единиц, используемых в повседневном языке современного русского города и находящихся свое отражение в бытовой речи, в публицистике, в произведениях массовой культуры, но также и в художественной литературе — постольку, поскольку она пользуется тем же повседневным русским языком.

СКВОЗНЫЕ МОТИВЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Особый интерес представляют те конфигурации смыслов, которые повторяются в качестве фоновых в целом ряде языковых единиц. Так, проанализировав ряд русских слов, Ю. Д. Апресян сформулировал некоторые «основополагающие заповеди русской наивно-языковой этики» [1995: 351], такие как, например: 'нехорошо преследовать узко корыстные цели' (*домогаться, льстить, сулить*); 'нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей' (*подсматривать, подслушивать, соглядатай, любопытство*); 'нехорошо унижать достоинство других людей' (*помыкать, глумиться*); 'нехорошо забывать о своих чести и достоинстве' (*пресмыкаться, подобострастный*); 'нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки' (*хвастаться, рисоваться, кичиться, чернить*); 'нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних' (*ябедничать, фискалить*). Сами по себе эти заповеди, вероятно, не являются исключительной принадлежностью русской языковой картины мира (Ю. Д. Апресян

даже пишет: «...все эти заповеди — не более чем прописные истины» [1995: 351]). Однако анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского видения мира и русской культуры. Сюда относятся, например, следующие представления: 'в жизни всегда может случиться нечто непредвиденное' (*если что, в случае чего, вдруг*), но при этом 'всего все равно не предусмотритишь' (*авось*); 'чтобы сделать что-то, бывает необходимо предварительно мобилизовать внутренние ресурсы, а это не всегда легко' (*неохота, собираться/собраться, выбраться*), но зато 'человек, которому удалось мобилизовать внутренние ресурсы, может сделать очень многое' (*заодно*); 'человеку нужно много места, чтобы чувствовать себя спокойно и хорошо' (*простор, даль, ширь, приволье, раздолье*), но 'необжитое пространство может приводить к душевному дискомфорту' (*неприкаянный, маяться, не находить себе места*); 'хорошо, когда человек бескорыстен и даже нерасчетлив' (*мелочность, широта, размах*).

Заметим, что специальное внимание к тем аспектам русской языковой картины мира, которые отличают ее от концептуализации мира, представленной в других языках, может иметь значение, выходящее за рамки лингвистики. Не случайно, размышляя об уроках истории Вавилонской башни, рассказанной в Книге Бытия, В. Н. Топоров [1989б: 9—13] отмечал, что помощь Бога заблудшим состояла в том, что, вступив на путь культурно-языковой дифференциации, люди должны были осознать факт многообразия языков и культур, отказаться от восприятия своего взгляда на мир как единственно возможного или единственно верного, такого, который «не с чем сравнить, соотнести, сопоставить и нечем проконтролировать, поправить, поддержать, продублировать» (что «питает как на дрожжах поднимающуюся гордыню»), и научиться жить в условиях культурно-языкового плюрализма, «увидеть не только „другое“, но через него и себя, по крайней мере ощутить свое различие, свою специфику, свою ха-

рактёрность — и в достоинствах, и в недостатках, которые в своей совокупности образуют неповторимость данного языка и данной культуры, уникальность, распространяющуюся в конце концов на весь массив языков и культур».

СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА*

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ

Русская языковая модель человека определяется двумя противопоставлениями: (1) идеального и материального и (2) интеллектуального и эмоционального. Первое противопоставление отражается в языке как противопоставление *духа* и *плоти*, второе — как противопоставление *ума* и *сердца*. При этом разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно: бывает, что *ум с сердцем не в ладу*; ср. *Умом я это понимаю, а сердцем принять не могу*. При этом, вообще говоря, разум призван контролировать сердце (хотя это и не всегда удается): об этом свидетельствуют как возможность высказываний вроде *Его сердце послушно разуму*, так и изречения типа *Сердцу не прикажешь*, равно как и то, что не говорят ²²*Сердце приказало разуму*; ²³*Разум слушался (или не слушался) сердца*. При этом центральное положение в русской языковой модели занимает *душа*, которая соединяет в себе свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального.

Заметим, что *сердце*, которое вообще «специализируется» на эмоциях, является, в соответствии с общеевропейскими представлениями, главным органом любви (в частности, к человеку противоположного пола — ср. [Урысон 1995а: 192]): ср. такие выражения, как *Его сердце принадлежит любви*.

---

* В основу данной главы положена моя работа «*Дух, душа и тело в свете данных русского языка*» [Шмелев 1997б].

мой; отдать сердце; предложить руку и сердце; дама сердца (как известно, сердце рыцаря должно принадлежать Даме, а душа — Богу); покоритель сердец и т. д. Проходите, гражданин, в сердце вы моем один, граждане, мест свободных нет, — говорит в советской песне кондукторша трамвая, влюбившаяся в одного из пассажиров. Не случайно в поэме Маяковского «Люблю» именно сердце упоминается постоянно одновременно в качестве органа и в качестве метонимического показателя любви:

Любовь любому рожденному дадена, — / но... / со дня на день / очерстывает **сердечная** почва. / На **сердце** тело наде-то, / на тело — рубаха.

Дивилось солнце: / «Чуть виден весь-то! / А тоже — / с **сердечком**...»

В **сердца**, / в часишки любовницы тикают. / В восторге партнеры любовного ложа. / Столиц **сердцебиение** дикое / ловил я, / Страстную площадью лежа. / Враспашку — / **сердце** почти что снаружи — / себя открываю и солнцу и луже. / ⟨...⟩ / Отныне я **сердцем** править не властен. / У прочих знаю **сердца** дом я. / Оно в груди — любому известно! / На мне ж / с ума сошла анатомия. / Сплошное **сердце** — / гудит повсеместно.

...комоч **сердечный** разросся громадой: / громада любовь, / громада ненависть.

...тащусь **сердечным** придатком...

Взяла, / отобрала **сердце** / и просто пошла играть — / как девочка мячиком.

Один не смогу — / не снесу рояля / (тем более — / несгораемый шкаф). / А если не шкаф, / не рояль, / то я ли / **сердце** снес бы, обратно взяв.

Скупой спускается пушкинский рыцарь / подвалом своим любоваться и рыгаться. / Так я к тебе возвращаюсь, любимая. / Мое это **сердце**, / люблюсь моим я.

Такое представление о роли сердца во внутренней жизни человека вовсе не является универсальным. Как уже говорилось во «Введении», в древнееврейской и арамейской карти-

не мира сердце является органом понимания, и, скажем, в русском переводе Священного Писания словосочетание *ожесточение сердце* указывает в первую очередь на непонятливость, а не на бесчувствие и жестокость, как это может казаться современному русскому читателю. Впрочем, древнееврейской языковой картине мира, по-видимому, было вообще чуждо жесткое разграничение интеллектуальной и эмоциональной стороны внутренней жизни.

ДУХ И ДУША

Для христианской антропологии человек имеет тройственное строение (*дух — душа — тело*). Для наивно-языкового сознания указанную триаду заменяют две оппозиции: *дух — плоть* и *душа — тело*. Первые члены этих оппозиций (*дух* и *душа*) указывают на нематериальное начало в человеке, а вторые члены (*плоть* и *тело*) — на материальное начало.

В то же время не случайно как для нематериального, так и для материального начала человека в русском языке есть не по одному, а по два слова. Так, почти нет контекстов, в которых слова *дух* и *душа* были бы взаимозаменяемы — например, можно *упасть духом* (но не **душою*), но *тяжело* (*легко, весело*) может быть только *на душе* (не **на духе*). Если же в каком-то контексте можно употребить как то, так и другое слово, смысл кардинальным образом меняется — так, выражение *в душе* указывает на «тайные» мысли человека (ср. *Она говорила: «Как я рада, что вы зашли», — а в душе думала: «Как это неуместно!»*), а выражение *в духе* — на хорошее настроение человека (чаще это выражение употребляется с отрицанием — *не в духе*).

Дело, по-видимому, в том, что *душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека (ср. [Урысон 1995а]). Каждый человек обладает уникальной, неповторимой душой — сколько людей, столько душ, и поэтому людей удобно считать по

душам. Именно такой способ счета и принят в России. Поэтому употребительное во многих западноевропейских языках латинское выражение *per capita* (буквально 'на (одну) голову') переводится на русский язык как *на душу населения*.

При этом *душа* воспринимается как некоторое вместилище внутренних состояний (именно тот факт, что *душа* концептуализуется как вместилище, дал Пастернаку возможность сказать о своей душе, что она стала *усыпальницей замученных живьем* и теперь стоит *могильной урною, вмещающей их прах*). Скрытые от посторонних мысли и чувства находятся в глубине этого вместилища (*в душе или в глубине души*), а те состояния, которые имеют внешние проявления или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся где-то на его поверхности (*на душе*)¹. Поведать другому свои даже самые сокровенные мысли или чувства — значит *раскрыть душу*, а нежелательное вмешательство в частную жизнь человека, пристаивания с целью выведать те мысли и чувства, которые он прячет от посторонних, описывается выражением *лезть в душу*. Если же неосторожным словом или поступком мы оскорбляем что-то, что человек бережно хранит *в тайниках своей души*, то мы *плюем ему в душу*.

Во многих отношениях, поскольку речь идет о роли соответствующего органа во внутренней жизни человека, нематериальная *душа* подобна такому материальному органу, как *сердце* (ср. [Урысон 1995а]), и, напротив, имеет мало общего с человеческим *духом*. *Дух* вообще не концептуализуется как орган. Скорее это некоторая нематериальная субстанция, которая не столько находится внутри человека, сколько окружает его и его душу, как своего рода ореол (как сказано у

---

¹ Потому, когда Е. В. Урысон [1995а: 192] пишет, что то, что происходит в *душе* человека, скрыто от посторонних глаз, это верно лишь постольку, поскольку речь идет о сочетании слова *душа* с предлогом *в*, но не применительно ко всем внутренним состояниям связанным с *душой*; приводимая там же [Урысон 1995а: 192] русская пословица *Чужая душа — потемки* ничего не доказывает, поскольку соответствующее утверждение находится в ней в ассерции и легко может быть оспорено другими носителями языка.